

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ

УДК 82.0:801.6; 82-1/-9

И.И. Серденко

ВИДЫ И ФУНКЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ О ДЕТСТВЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Томский государственный педагогический университет

2006 г. – знаменательный в отечественной и мировой культуре: это год 500-летия рода Достоевских, 185-летия со дня рождения писателя и 125-летия со дня его кончины. Имя Достоевского известно во всем мире, исследователи и поклонники его гения объединились в Международное общество Достоевского.

Сменялись эпохи, изменялось общественное сознание, менялись эстетические вкусы и страсти, нравственные представления, но неизменным оставался интерес читателей и ученых к творческому наследию русского художника. Уже современники видели в Достоевском и острого социального писателя, актуализировавшего трагические стороны жизни (В.Г. Белинский, Д.И. Писарев), и создателя идеологического романа, раскрывшего драму идей и убеждений (Н.Н. Страхов), и религиозного художника, указавшего путь к вере, народной правде и Церкви (В.С. Соловьев). Интенсивное освоение творческого наследия Достоевского происходило на рубеже XIX–XX вв., прежде всего в контексте русской религиозно-философской мысли. Активно изучалось творчество романиста и в 1920-е – начале 1930-х гг. Однако со второй половины 1930-х гг. имя Достоевского в нашей стране оказалось под запретом, формировалось враждебное отношение к писателю. Интерес к автору «Братьев Карамазовых» поддерживался видными русскими эмигрантами, зарубежными писателями и исследователями его творчества. В нашей стране возрождение интереса к Достоевскому произошло во второй половине 1950-х гг., достигнув своеобразного пика в 1970-е гг. в связи с его юбилеем, началом издания академического Полного собрания сочинений, предпринятого Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) Российской академии наук, переизданием исследования М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Достоевский вновь актуализировался как социальный художник, автор экспериментальных идеологических романов, творец нового типа романа – полифонического – и т.д. В последние десятилетия

интенсивно изучаются христианские основы мировосприятия Достоевского, религиозно-философский смысл его творчества. Богословские, эстетические, философские, литературоведческие подходы переплелись в исследовании и актуализации религиозного, прежде всего православного, содержания его произведений. Приоритетное внимание уделяется бытованию в них библейских текстов. Вместе с тем остаются белые пятна в творческом наследии русского писателя-мыслителя. Так, до сих пор недостаточно изучены его педагогические взгляды, хотя многократно отмечалось особое внимание художника к проблеме детей, детства, «случайного семейства», к детскому облику мира, и в современной гуманитарной, демографической, педагогической ситуации его педагогические идеи могли быть востребованы.

Особое место в педагогической концепции Достоевского, реализованной в его публицистике и художественном творчестве, занимают вопросы о роли, видах и функциях «воспоминаний драгоценных» о детстве в жизни отдельного человека и целого поколения. Этой проблеме и будет уделено внимание в настоящей статье.

Одна из основных функций воспоминаний – предыстория героя, т.е. дороманная история, знакомящая читателей с прошлым персонажей, с их происхождением, условиями их становления, первыми шагами в жизни. В этом случае «воспоминания» не получают оформленности как собственно воспоминания, а вводятся как внесюжетный элемент в повествование или выполняют ретардирующую функцию, замедляя развитие действия, раздвигают художественное пространство и время действия (или жизни героя), сообщают рассказываемым событиям необходимую социально-историческую перспективу и т.д. Собственно воспоминания в настоящем случае заменяются развернутыми биографиями героев (или даже их родословной, как у Тургенева, например).

Нас будут интересовать собственно воспомина-

четливо маркированные прямым указанием («вспомнил», «припомнилось ему» и близкими по смыслу словами) или «документированные» как воспоминания (записки, сон-воспоминание, исповедь и т.д.). Наиболее значимую роль воспоминания о детстве играют в творчестве Достоевского; на них и остановимся подробно.

В своей публицистике автор «Бедных людей» неоднократно прямо высказывался о непреходящей ценности детских впечатлений, их влиянии на всю последующую жизнь человека. Так, в «Дневнике писателя» за 1877 г. (вторая глава декабрьского выпуска), комментируя свою речь на могиле Некрасова, писатель связал особенности личности и творчества поэта с воспоминаниями его о своем детстве: «Это именно, как мне разом почувствовалось тогда, было раненное в самом начале жизни сердце, и эта-то *никогда не заживавшая* рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь» [1, т. 26, с. 111] (курсив автора. – И.С.). Развивая далее свою мысль, Достоевский акцентирует зависимость и поэзии, и «страстной до мучения» любви Некрасова «ко всему, что страдает, от насилия, от жестокости необузданной воли» и т.д., от «первоначальных детских впечатлений», вынесенных из родительского дома, святых и спасительных даже в самые темные мгновения жизни [1, т. 26, с. 111–112].

Несколько ранее, в июльско-августовском выпуске «Дневника писателя», делаясь с читателями впечатлениями о посещении мест своего детства (усадыбы Даровое), Достоевский признается: «... это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь», здесь «все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями» [1, т. 25, с. 172]. И, размышляя далее о «случайных семействах», делает очень важные обобщающие выводы: «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек. Иной, по-видимому, о том и не думает, а все-таки эти воспоминания бессознательно да сохраняет. <...> Человек, кроме того, уже по самой необходимости склонен отмечать как бы точки в своем прошедшем, чтобы по ним потом ориентироваться в дальнейшем и выводить по ним хотя бы нечто целое, для порядка и собственного назидания. При этом самые сильнейшие и влияющие воспоминания всегда те, которые остаются из детства» [1, т. 25, с. 172–173]. Характеризуя далее «случайное семейство», писатель говорит о двух типах воспоминаний о детстве: одни – те, что выносятся из «случайных семейств», утративших «всякую общую идею»; тогда из детства дети могут вынести только «грязь воспоминаний» и «не одну лишь грязь воспоминаний, а и самую грязь» [1, т. 25,

с. 180]. Другие – прекрасные воспоминания – те, что вынесены из семейств, сохранивших хотя бы «семя великой мысли и великого чувства» [1, т. 25, с. 181]. Подытоживая, Достоевский подчеркивает: «Без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства, без зачатков положительного и прекрасного нельзя пускать поколение в путь» [1, т. 25, с. 181]. С этих позиций писатель анализирует далее «дело родителей Джунковских с родными детьми», предлагая свой рецепт преодоления «грязи воспоминаний»: любовь и единение общества, объединение с народом.

В свете своих представлений о месте воспоминаний детства в жизни человека Достоевский оценивает подобные воспоминания и в литературных произведениях. Так, рассматривая образ Татьяны Лариной в своей Пушкинской речи, писатель противопоставляет ее Онегину, подчеркивает, что «у него никакой почвы, это былинка, носимая ветром», тогда как «у ней и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа» [1, т. 26, с. 143]. Эта опора, спасающая пушкинскую героиню в самый критический, кризисный момент ее жизни, по утверждению Достоевского, «ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь, – это «крест и тень ветвей над могилой ее бедной няни» [1, т. 26, с. 143]. Развивая свое утверждение, что именно воспоминания детства спасают душу Татьяны «от окончательного отчаяния», автор Пушкинской речи подчеркивает: «И этого не мало, нет, тут уже многое, потому что тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею» [1, т. 26, с. 143]. Примеры высочайшей оценки писателем воспоминаний о детстве, их роли в судьбах людей можно продолжить, но ограничимся этими. Важно другое. Признание особой роли за воспоминаниями детства базируется у Достоевского на его личном опыте.

В «Дневнике писателя» за 1876 г., размышляя о символе своей веры, Достоевский вспоминает пребывание на каторге: «Во все мои четыре года каторги я вспоминал беспрерывно все мое прошедшее и, кажется, в воспоминаниях пережил всю мою прежнюю жизнь снова. Эти воспоминания вставали сами, я редко вызывал их по своей воле. <...> Я особенно любил тогда воспоминания из самого первого моего детства» [1, т. 22, с. 47]. И подробно останавливается на воспоминаниях из раннего детства – о встрече с мужиком Мареем, казалось, совсем забытой. Это воспоминание преобразило автора, заставило по-новому посмотреть на

несчастливых каторжан. Рассказывая о нем, Достоевский прозрачно намекает, что это воспоминание стало толчком к перерождению его убеждений.

Особое значение для нас в данном случае имеет тот факт, что писатель подчеркивает подсознательность этого воспоминания: «... вдруг теперь, двадцать лет спустя, в Сибири, припомнил всю эту встречу с такой ясностью, до самой последней черты. Значит, залегла же она в душе моей неприметно, сама собой и без воли моей, и вдруг припомнилась тогда, когда было надо...» [1, т. 22, с. 49]. По существу, характеризуя свои воспоминания, Достоевский выделяет два основных типа этих воспоминаний: те, которые он вызвал «по своей воле», и те, которые «вдруг припоминались», «сами собой и без воли» его.

Приведенные нами (далеко не полные) размышления автора «Дневника писателя» о месте и роли воспоминаний детства в жизни человека позволяют сделать следующий вывод: эти «святые и драгоценные» воспоминания представляют собой «огромную силу», во многом формируют личность, поддерживают и спасают в кризисных ситуациях. Предпочтение писатель отдает воспоминаниям подсознательным, «вдруг» припоминающимся: именно они способны преобразить человека. Эти представления о ценности «первоначальных детских впечатлений» актуализированы и в художественном творчестве романиста.

Однако, прежде чем обратимся к произведениям Достоевского, отметим, что и само детство он делит на разные периоды, выделяя ранний, до семи лет, когда ребенок пребывает в «ангельском чине», что отметила В.С. Пушкина [2, с. 102], и до двенадцати-тринадцати лет, когда ребенок уже вышел из «первого детства», хотя и сохранил «младенческую, трогательную невинность», но уже способен воспринимать такие идеи и представления, о которых и не догадываются взрослые; этот период писатель определяет как «критический в жизни этих юных существ» [1, т. 24, с. 59]. Воспоминания из этих периодов детства и привлекают прежде всего внимание художника. Подсознательные воспоминания героев Достоевского, связанные с первым детским возрастом, выполняют преобразующую функцию: преображение в ребенка – это возвращение к самому себе, к своей изначальной «ангельской» сущности. Сознательные воспоминания чаще всего связаны с кризисным периодом, функция их другая. Об этом и пойдет речь далее.

Уже в первом романе – «Бедные люди» – воспоминания детства играют важную, хотя пока еще традиционную роль. Документированные самой Варенькой Доброселовой («записки»), они дают представление о ее прошлом (предыстория), процессе формирования личности, рисуют ее психоло-

гический портрет. В воспоминаниях Вареньки деревенское прошлое (детство) традиционно противопоставлено городскому настоящему, ассоциируясь соответственно с раем и адом: «Ах, какое золотое было детство мое»; «Настоящее так тускло, так темно» [1, т. 1, с. 84]. Себя Варенька идентифицирует со счастливой и веселой девочкой из сада, перемещенной в мрачные, сырые петербургские углы. Отсюда почти навязчивые мысли о гибели, о смерти. Вместе с тем воспоминания о прошлом выполняют в романе моделирующую функцию: воспоминание о любимом героине (в детстве) времени года (поздней осени) непосредственно предвещает отъезд ее осенью в деревню. Вследствие этого финал оказывается «открытым» и не столь однозначным, как представляется Девушкину.

Другой герой романа – Макар Алексеевич Девушкин – лишен воспоминаний о детстве (первое его воспоминание связано с «семнадцатью годочками», когда он «на службу явился» [1, т. 1, с. 47]), что должно подчеркнуть ограниченность его жизни, исчерпанность ее службою (во всяком случае, до встречи с Варенькой). Воспоминания детства оказываются в данном случае одним из способов поляризации двух сюжетов: жизнь Вареньки обретает перспективу, жизнь Девушкина, напротив, – замкнутость, завершенность (попутно заметим, что воспоминания героини не исчерпываются детством, но это уже другая проблема).

Тема золотого детства-сада присутствует и в воспоминаниях Ивана Петровича, героя-повествователя в романе «Униженные и оскорбленные» [1, т. 3, с. 178]. Функционально эти воспоминания перекликаются с воспоминаниями из первого романа, восходят к воспоминаниям самого писателя о детских годах в Даровом.

В «Пятикнижии» функции воспоминаний о детстве существенно изменяются. Толчком к этому стало, как представляется, воспоминание о мужике Марее. Теперь воспоминания детства способствуют раскрытию внутренней сущности героя и фиксируют его преображение.

В «Преступлении и наказании» воспоминания из детства – известный сон Раскольникова о забитой лошади («Приснилось ему его детство, еще в их городке. Он лет семи и гуляет в праздничный день, под вечер, с своим отцом за городом» [1, т. 6, с. 46]). Этот сон-воспоминание (подсознательное воспоминание) неоднократно интерпретировался учеными прежде всего как источник убеждений героя вследствие произошедшего духовного надлома [3, с. 84]. Но этот сон-воспоминание и объективация имманентной сущности Раскольникова, и возвращение заблудившегося в лабиринтах «казуистики» героя к самому себе, к своему первообразу и к отцу (во сне «он обхватывает отца руками» [1, т. 6,

с. 49]). В итоге совершается преобразование персонажа, о чем свидетельствует и отказ, освобождение от задуманного («Точно нарыв на сердце его, нарывавший весь месяц, вдруг прорвался. Свобода, свобода! Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения»), и молитва к Господу, т.е. возвращение к Отцу небесному [1, т. 6, с. 49]. Это преобразование Раскольникова в прежнего ребенка подтверждается воспоминанием матери: «...еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях...» [1, т. 6, с. 34]. В сюжете романа это преобразование – моделирование финала, где, пройдя через свою «Голгофу», преодолев отчужденно-рассудочный взгляд на мир, воскреснув в любви, герой вступает на путь постепенного перерождения.

Преображающее действие воспоминаний актуализируется Достоевским и в романе «Подросток». Записки Аркадия Долгорукого – это юношеские воспоминания о недавнем прошлом, зафиксированном полгода спустя, это и детские воспоминания. Остановимся на последних, поскольку именно они, настойчиво акцентируемые Подростком, сказались в его судьбе, сформировали его «ротшильдовскую идею», идею «уединенного и спокойного сознания силы» [1, т. 13, с. 74]. Решающую роль здесь сыграло воспоминание о встрече с Версильевым, «еще в первом детстве», ставшее «тем фатальным толчком, с которого началось (его) сознание» [1, т. 13, с. 62]. Это культивируемое на всем протяжении жизни воспоминание породило тот душевный надлом, что негативно отразилось на развитии Аркадия, в итоге привел его к погружению в «безобразия» окружающего мира. Напротив, подсознательное воспоминание о «маме», Софье Андреевне Долгорукой, после катастрофы (обвинения в краже на рулетке) предопределило путь Аркадия к преобразению, к «благообразию». В этом смысле символичны детали воспоминания, выделенные Подростком: колокольный звон, только что минувшая пасхальная неделя, «новорожденные зелененькие листочки», причастие в деревенском храме, голубок, пролетевший через купол, синенький мамин платочек, любовь и раскаяние [1, т. 13, с. 270–274]. Они свидетельствуют, что с «мамой» в сознание Аркадия вошел мир церкви, открылась возможность обновления, возрождения к новой жизни. В заключение отметим, что Подросток достаточно четко выстраивает свои детские воспоминания (от сознательных к подсознательным), отмечает «как бы точки в своем прошедшем» (говоря словами Достоевского), символически прослеживает свой путь от «безобразия» к «благообразию», от заблуждений к преобразению.

Концептуальное завершение открытия Достоевского (о святости и спасительном действии детских

воспоминаний) получили в романе «Братья Карамазовы». Это воспоминания Зосимы о детстве, о брате Маркеле перед дуэлью, преобразившие его в ребенка, способного плакать навзрыд и просить прощения. Логическое завершение этого преобразования Зосимы – вступление «на путь твердый и благолепный», уход в монастырь [1, т. 14, с. 283].

Алеше Карамазову открыло путь в монастырь сохранившееся почти с младенчества воспоминание о матери, «молящей за него Богородицу, протягивающей его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице» [1, т. 14, с. 18]. В итоге оба эти персонажа, обращенные в истинную веру воспоминаниями из детства, удастаиваются «войти» в Царство Небесное и узреть Его (глава «Кана Галилейская»), сформулировать и воплотить свои педагогические концепции. Педагогическое кредо старца Зосимы основано на личном опыте и сформулировано в одном из его поучений: «Из дома родительского вынес я лишь драгоценные воспоминания, ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском, и это почти всегда так, если даже в семействе хоть только чуть-чуть любовь да союз» [1, т. 14, с. 263–264]. Его ученик и учитель мальчиков Алеша Карамазов развивает и на практике воплощает педагогические идеи Зосимы, приобщая детей к деятельной любви, открывая им перспективу застаться драгоценными и спасительными воспоминаниями из детства (любовь к Илюше). Ему дано поставить своеобразную точку в сфере этических и педагогических наблюдений и прогнозов писателя: «Знайте же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» [1, т. 15, с. 195].

Верность сделанного Достоевским открытия о решающей роли детских воспоминаний в жизни человека подтверждается Л.Н. Толстым. Два его героя – Андрей Болконский («Война и мир») и Нехлюдов («Воскресение») – в момент духовного кризиса переживают это преобразование в ребенка. Андрею, после ранения на Бородинском поле, вспоминаются «счастливейшие минуты в его жизни, в особенности самое дальнее его детство», и переживаются им «не как прошедшее, а как действительность» [4, т. 11, с. 254–255]. С этого воспо-

минания начинается преображение Болконского, исцеление от гордыни, ревности, жажды мщения, начинается путь любви, сострадания, победы над страхом смерти. Нечто подобное в кризисную минуту переживает и Нехлюдов: «Он не только вспомнил, но почувствовал себя таким, каким он был тогда, когда четырнадцатилетним мальчиком молился Богу, чтоб Бог открыл ему истину, когда плакал ребенком на коленях матери...» [4, т. 32, с. 224–225]. Это преображение Нехлюдова стало толчком к избавлению от сомнений, собственнических инстинктов, сожалений о прошлом, подарил радостное чувство освобождения и новизны.

Как видим, оба писателя подчеркивают преображающую функцию воспоминаний детства. К сожалению, мы можем лишь констатировать это, не углубляясь (в силу объективных причин) в проблему.

Иначе понимал проблему воспоминаний И.С. Тургенев. Так, в его романе «Дворянское гнездо» (в XVIII главе) Лаврецкий, возвращаясь в свою деревню после долгого отсутствия, наблюдает «русскую картину» (поля, ракиты, грачи, вороны) и вспоминает о своем детстве и о смерти матери, о

юности и больном отце. Это, собственно, не воспоминания даже, а картины, образы прошедшего, всплывающие в сознании героя, подытоживающие прошлое и предваряющие будущее. Воспоминания Лаврецкого – это один из приемов характеристики его состояния в переломный момент жизни, констатация внутренней неустроенности, неустраиваемости и в то же время – ожидание лучшего.

Как видим, ведущие русские классики придавали особое значение детским воспоминаниям, полагали их решающими в становлении и воспитании человека, его преображении в критические периоды жизни. Как нам представляется, эти наблюдения, выводы и прогнозы могли бы стать важным вкладом в развитие современной педагогической мысли.

Нам же, наследникам великого художника Ф.М. Достоевского, необходимо позаботиться о местах детства писателя, питавших его художественный дар, и наконец-то превратить в настоящий музей-заповедник усадьбу Даровое Зарайского района Московской области.

Поступила в редакцию 21.06.2006

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
2. Пушкарёва В.С. Дети и детство в творчестве Ф.М. Достоевского и русской литературе второй половины XIX в. Белгород, 1998.
3. Касаткина Т.А. Категория пространства в восприятии личности трагической мироориентации (Раскольников) // Достоевский: Мат-лы и иссл.-я. Т. 11. СПб., 1994.
4. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1928–1959.

УДК 82.009.7

Ки-Сун Хон

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ГЕНЕЗИС ПОВЕСТВОВАНИЯ В РИСУНКАХ И РУКОПИСЯХ ПИСАТЕЛЯ

Сан-Муунский университет, Республика Корея

Роман Достоевского «Преступление и наказание» – один из шедевров мировой литературы. Неоднократно он переводился и в Корею, а также служил материалом для исследований. В настоящее время это один из самых привлекательных для исследователей текстов; о нем написано уже немало, однако все еще остаются загадки, не имеющие пока ответа. Особенно это касается творческой истории романа. Начало систематическому изучению этого вопроса положено в 1921 г., когда стали известны рукописи Достоевского, его «записные тетради», завещанные архиву вдовой писателя А.Г. Достоевской.

Особенно важны здесь работы И. Гливенко [1] (первым опубликовавшего рукописи Достоевского

к этому произведению) и Л.М. Розенблюм [2], в которых дано описание рукописей писателя и его творческого процесса; далее – Г.М. Фридендера, Л.Д. Опульской, Г.В. Коган и А.Л. Григорьева, составивших комментарий к «Преступлению и наказанию» в Полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского [3], К.А. Баршта, который опубликовал и дал комментарий к рисункам в рукописях Достоевского к роману [4]. Особенно важен Каталог рисунков Достоевского [5], потому что он вводит в оборот новый материал – полный комплект записей на графическом языке, сделанных Достоевским во время работы над своими произведениями. Изучение этих новых данных вместе с уже известны-